

2020

1985/X

Моск. кинематограф, 1985, 250 к.

ГЮГО СТУЧИТСЯ В ДВЕРИ

ФРАНЦУЗСКИХ поэтов-сюрреалистов нельзя отнести к категории самых почтительных людей на свете; кого только не сбрасывали они с «корабля современности»! Как-то раз они затеяли опасную литературную игру — устроили «экзамен» своим предшественникам. Называлось имя поэта, и каждый ставил ему отметку по 10-балльной системе. Возле имени Гюго уже толпились табунчик нулей, как вдруг откуда-то возникла дерзкая девятка. Ее поставил совсем еще юный Луи Арагон. Раздался общий «сюрреалистический» хохот. Тогда Арагон подошел к книжному шкафу, взял томик и начал читку — темпераментно, завораживающе. Смех оборвался, все заслушалось; казалось, в дом вошел сам Виктор Гюго. Впоследствии Гюго был признан «мэтром сюрреализма», ибо, как выяснили маститые гюговеды, он первым из французских поэтов обратил внимание на роль подсознания в поэзии.

В кипящем «котле» стихотворного наследия Гюго сохранились «ингредиенты» любых современных поэтических школ и направлений. Да и «первую ласточку» поэтического герметизма — символиста Стефана Малларме заметил он же, Гюго. Тем не менее тот ответ, который дал один французский писатель на вопрос: «Что поразило бы Гюго сегодня?», а именно: «Ему бы взгрустнулось, когда бы он убедился, что поэзия «выходит из употребления», — увы, соответствует истине: западная поэзия все больше походит на «вещь в себе», на головоломку для посвященных.

Впрочем, самому Гюго, как

никому другому, удавалось завоевать симпатии миллионов читателей, минуя непонимание и «рогатки» критиков, так сказать, на зависть зоилам и литературным противникам. А если вспомнить и цензурные гонения на Гюго — диву даешься, каким мужеством и убежденностью в своей творческой миссии должен был обладать этот человек, которого не постеснялись публично оскорблять уже на следующий день после смерти.

Чем же так досадила Гюго своим многочисленным недругам? Почему — после смерти — на него поспешили натянуть душную мантию академизма и засушить между страницами литературоведческого анализа и «школьных учебников? Почему, наконец, столько лет затухевшая политическая, моральная и философская сторона его творчества?

Ответ прост: как и сто лет назад, Гюго продолжает раздражать власть имущих.

Это и делает его сегодня необыкновенно актуальным — сегодня, когда год 1985 объявлен ЮНЕСКО «Годом Гюго». На виду у всего мира Гюго сходит с пьедестала и смешивается с толпой, носящей круглые значки с надписью «Гюго — гигант!». Год Гюго — бум Гюго...

За этот год во Франции появился целый океан книг, посвященных жизни и творчеству патриарха литературы — от «Виктора Гюго» Алены Деко (биография, более 1000 страниц, издание в «стиле» Гюго — он любил объемистые книги) до «Замечательной жизни Виктора Гюго» Пьера Гамарра (портрет писателя левых убеждений, человека социальной справедливости и

прогресса, защитника «детей, женщин и угнетенных»), вышедшей в издательстве коммунистов «Мессидор».

В театре и на телевидении осуществлены новые постановки как старых, прошедших проверку временем пьес Гюго-драматурга («Эрнани», «Рюи Блаз» и других, делавших полные сборы еще при жизни автора), так и — к неожиданности специалистов — успешные постановки его малоизвестных вещей.

В прессе публикуются интервью с писателем — да-да, пусть это никого не удивляет: на самые злободневные вопросы журналистов «старик» Гюго отвечает устами своих персонажей вкупе со своими текстами (письма, записные книжки и т. д.), приводя читателей в изумление своей неувыдающей прозорливостью и — кажущейся нынче чем-то необязательным и основательно забытым — изящностью стиля.

А на страницах журналов не утихают дискуссии... Давайте на минуту перенесемся во Францию и посмотрим, как современные литераторы отвечают на вопрос: «Чем занимался бы Гюго в наши дни?».

«Сегодня Гюго был бы тем, кем был — поэтом, драматургом и писателем, единым в трех лицах...».

«Уверен, что в 1985 году Гюго работал бы в еженедельной газете. Он был бы ясным, разоблачающим негативные явления эпохи...».

«В 1985 Виктор Гюго выступал бы за мир, против «звездных войн». Он стал бы адвокатом негров, арабов, иммигрантов, всех угнетенных. Он написал бы поэму, полную столь же значитель-

ных символов, как голубь мира Пикассо. Он боролся бы против апартеида и перенес бы действие «Отверженных» в Южную Африку...».

Когда в России — меньше чем через месяц после первого французского издания — началась публикация «Отверженных» сразу в трех крупнейших литературных журналах (в разных переводах: «Жалкие люди», «Несчастные»), она была приостановлена цензурой, углядевшей в романе Гюго стремление «подорвать религию и монархию».

Любя Францию горячее, но «странною любовью», Гюго стремился стать писателем общечеловеческим, и его гений смотрел на мир поверх государственных границ. Гюго предвидел насущность создания организаций, подобных ООН и ЮНЕСКО. Тонкий политик, он в 1871 году предсказал, что перемирие, заключенное Тьером, приведет к новым войнам с Германией. Он первым заговорил о строительстве туннеля под Монбланом. По его «филигранным» описаниям в романе архитектор Виоле-ле-Дюк воссоздал портал собора Парижской Богоматери...

Гюго намного опередил свое время, он был слишком для него современным. За один век человечество не успело разобраться во всех тайнах его огромного, сложного наследия. И, хотя год Гюго близится к завершению, освоение Гюго-галактики только начинается. Откройте любой из томов его собрания сочинений, и Гюго войдет к вам и запростом скажет... ну хотя бы вот это: «...Война потеряла всякий смысл; еще тридцать лет назад она просто внушала ужас; сегодня она — просто глупость».

Вот какой он мудрый был старик.

А. МАРКЕВИЧ.